

Нарративные вариации в средневековом бестиарии

Александр Е. Махов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, takhov636@yandex.ru*

Аннотация. Средневековый бестиарий рассматривается в статье как нарративный текст, в котором функцию мотивов выполняют действия животного. Эти повествовательные мотивы могут складываться в микросюжет, который толкуется повествователем, обозначающим свое понимание событий. При всем сходстве своих микросюжетов бестиарии обнаруживают значительную повествовательную вариативность, которая становится заметной именно в совокупности текстов, рассказывающих об одном и том же животном. Нарративные вариации в бестиарии можно разделить на три типа: вариации в выборе типичных действий («свойств») животного; вариации в толковании этих действий; вариации в самом акте повествования, которые проявляются, прежде всего, в степени подробности, с какой автор излагает бестиарные события. Морально-религиозное толкование свойств животного, воспринимаемое современным читателем как неуместная вставка, для средневекового читателя выполняло функцию нарративной развязки, порой совершенно неожиданной.

Ключевые слова: средневековый бестиарий, нарративные вариации, символика животных, развязка

Для цитирования: Махов А.Е. Нарративные вариации в средневековом бестиарии // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 4. С. 31–49. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-4-31-49

Narrative variations in the Medieval bestiaries

Alexander E. Makhov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia, makhov636@yandex.ru*

Abstract. In this article Medieval bestiary is considered as a narrative text in which the function of motives is performed by the actions of the animal. These narrative motives can constitute a micro-plot which is interpreted by the narrator who unfolds his understanding of events. Similarities between the micro-plots of different bestiaries cannot conceal significant narrative variability, which becomes noticeable precisely in the combination of the texts devoted to the same animal. Narrative variations in a bestiary can be divided into three types: variations in the choice of typical actions (“properties”) of the animal; variations in the interpretation of these properties; variations in the very act of narration, which are manifested primarily in the level of detail with which the author treats the events in the bestiary. The moral and religious interpretation of the properties of the animal, perceived by the modern reader as a kind of improper insertion, performed the function of narrative denouement for the medieval reader, sometimes in absolutely unexpected manner.

Keywords: Medieval bestiary, narrative variations, symbolism of animals, denouement

For citation: Makhov, A.E. (2019), “Narrative variations in the Medieval bestiaries”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 2, no. 4, pp. 31–49, DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-4-31-49

Бестиарий обычно рассматривается не как нарративный, но как описательный текст, характеризующий строение и повадки животных¹. Характеристика, как правило, складывается из

¹ Лежащая в основе этого жанра идея аллегорического толкования свойств животных, описанных в античных «естественных историях» (Аристотель, Плиний Старший и др.), впервые была реализована в греческом Физиологе (вероятно, конец II в.), к различным латинским версиям которого в той или иной мере восходят средневековые бестиарии и на латыни, и на народных языках; расцвет жанра приходится на XII–XIV вв. (сам термин “bestiarium” в значении «книга о животных» появляется в начале XII в.), однако традиция сочинения бестиариев прослеживается до XVII в. включительно. В настоящей статье использован материал из наиболее значительных памятников данного жанра (латинских, старофранцузских и итальянских) периода его расцвета.

нескольких свойств животного (бестиарии именуют эти свойства природами), которые чаще всего наделены моральными или религиозными смыслами: так, неспособность волка поворачивать назад шею означает неспособность дьявола «повернуться» к раскаянию². Однако бестиарное описание животного насыщено действиями: лебедь прекрасно поет; еж на своих иголках приносит в нору ягоды для детенышей; слон падает в яму, выкопанную охотниками, и т. п. Действия героев бестиария и события, с ними происходящие, представляя собой повествовательные мотивы, которые могут складываться в микросюжет рассказываемой истории; по ходу повествования автор толкует действия и события, обозначая тем самым определенную точку зрения на них.

Мы можем, таким образом, постулировать наличие в бестиарии повествования и рассматривать бестиарные тексты как нарративы. При сравнении повествований о том или ином животном в разных бестиариях сразу обращает на себя внимание их значительная близость, обусловленная влияниями и заимствованиями, путь которых прослежен исследователями, разделившими бестиарию на семьи в зависимости от их родства друг другу [James 1928, McCulloch 1960]. Эта близость обычно и оказывается на первом плане в сравнительных исследованиях бестиариев: при сводном анализе бестиарных текстов, посвященных отдельным животным, ученые стремились выявить в первую очередь общее, свести варианты повествований о каждом животном к некоему инварианту³. Создается впечатление, что бестиарии рассказывают о животном одну и ту же историю и делают это примерно одинаково.

Однако близость бестиарных нарративов отнюдь не означает их тождество: при всем сходстве бестиарии обнаруживают повествовательную вариативность, которая становится заметной именно в совокупности текстов, рассказывающих об одном и том же животном. Эта вариативность заметна еще больше, если рассматривать не только собственно бестиарии, но и бестиарные вкрапления в тексты других жанров (проповедь, например), что мы и делаем далее.

Нарративные вариации, примеры которых приводятся ниже, можно разделить на типы, выделение которых будет понятно только в том случае, если мы примем во внимание семиотическую посылку, лежащую в основе всего средневекового бестиария. Животное существует в мире не только как живой организм, но и как знак; он не только передвигается, питается, охотится,

² De bestiis et aliis rebus // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 177. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 68.

³ Такая тенденция ясно проявилась, на наш взгляд, в книге Мишеля Пастуро [Pastoureau 2011].

но еще и «означает»: способность означать – такое же его естественное качество, как и качества физиологические. Это странное с нашей современной точки зрения представление вытекает из базового для средневековой семиотики учения о значении вещей (*significatio rerum*), развитие которого – от Августина до теологов XII–XIII в. – проследил Хенниг Бринкман⁴. Бог говорит языком не слов, изобретенных человеком, но вещей, им самим же созданных. Отличие человеческого языка от Божественного ясно формулирует Гуго Сен-Викторский: «Значение слов предписано людьми (*significatio vocum est ex placito hominum*), значение вещей – естественное (*naturalis*), оно возникло из действия Создателя, пожелавшего, чтобы одни вещи были обозначены посредством других» (Гуго Сен-Викторский)⁵. Итак, вещь в системе Божественного языка может быть знаком (*res significans*), обозначающим другую вещь (*res significata*). Животные также принадлежат к такого рода вещам-знакам. Однако следует учесть еще и то, что в средневековой семиотике истинными генераторами значений служат не вещи сами по себе, но их свойства. Поскольку этих свойств у любой вещи много, то язык Бога гораздо многозначнее, чем язык человеческих слов. Эту особенность Божественного языка отмечает Ришар Сен-Викторский: «Слова имеют не более двух или трех значений. Вещи же могут иметь столько же значений, сколько они имеют свойств (*res autem tot possunt habere significationes, quot habent proprietates*)»⁶. Принцип многозначности вещей был необходим экзегетам, поскольку позволял объяснить многообразие и даже противоречивость их значений в Священном Писании. Многозначность усматривалась и в царстве животных: животное обладало целым набором свойств, которым приписывались различные смыслы. Семиотическая ситуация бестиария усложнялась еще и тем, что порой одно и то же свойство в разных бестиариях могло толковаться различным образом. В итоге оказывалось, что животные-знаки многозначны вплоть до вопиющей противоречивости.

Итак, бестиарий рассказывает о физических свойствах и поведении животных; толкует эти свойства, приписывая им смыслы; и, наконец, в той или иной мере детализирует повествование. Каждому из этих трех аспектов бестиарной наррации соответствует

⁴ *Brinkmann H. Mittelalterliche Hermeneutik. Tübingen: M. Niemeyer, 1980. 439 s.*

⁵ *Hugo de Sancto Victore. De scripturis et scriptoribus sacris // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 175. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 21.*

⁶ *Richardus de Sancto Victore. Excerptiones allegoricae // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 177. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 205.*

свой тип вариативности: создатель бестиария может составлять свой собственный набор свойств животного; он может выбирать их толкования или создавать свои собственные; он может усиливать или ослаблять детализацию повествования. Поскольку в третьем типе вариативности автор посредством выбора деталей (или отказа от них) регулирует свое повествование по степени подробности (о более сложных нарративных эффектах здесь говорить не приходится), то этот тип можно определить как вариации в самом акте повествования. Мы имеем, таким образом, вариации в составе свойств животного, вариации в толкованиях этих свойств, вариации в самом акте повествования по степени его детализации. Приведем примеры на каждый из этих типов.

Вариации в составе свойств. Создатель бестиария оперирует известным ему набором свойств (природ) животного, он может повторять набор из известных ему образцов, но может и что-то в него добавлять, а что-то элиминировать. Так, лебедь имеет две основные природы: он прекрасно поет, особенно перед смертью; его белое оперение контрастирует с его же черной плотью. Многие бестиарии, – например, трактат «О животных и других вещах» (его первая книга, посвященная птицам, видимо, создана в XII в.) и бестиарий из библиотеки Бодли⁷ (MS Bodley 764; 1226–1250 гг.) – упоминают оба этих свойства, причем второе разворачивается в целый процесс: убитого лебедя ощипывают, так что перед зажариванием его черная плоть становится видна⁸. Автор более поздней (конец XIII в.) итальянской «Книги о природе животных» сосредотачивается на прекрасном пении лебедя, элиминируя второе свойство и упоминая лишь, что лебедь «почти весь белый (quasi tutto bianco)»⁹. Эта редукция вызвана, видимо, желанием дать лебедю всецело позитивное толкование: второе свойство, как мы увидим ниже, трактовалось бестиариями негативно.

К природам льва относятся его страхи, набор которых варьируется авторами. Согласно латинскому «Физиологу» версии BIs (MS Royal 2 C VII, Британский музей, Лондон; начало XIII в.), страх льва вызывают копыта охотников, грохот колес, огонь и белый петух¹⁰; бестиарий MS Bodley 764, также называя в своем

⁷ Bestiary being an English version of the Bodleian Library / Ed., introd., transl. by R. Barber. Oxford M.S. Bodley 764. Woodbridge: The Boydell Press, 1999. P. 135.

⁸ De bestiis et aliis rebus // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 177. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 51.

⁹ Libro della natura degli animali // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 438.

¹⁰ Il Fisiologo latino: versio Bis // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 14.

перечне страхов звук колес, огонь и белого петуха, элиминирует копыа охотников, но включает «маленькое жало скорпиона», которое «тревожит» льва (*exiguo scorpionis aculeo exagituratur*)¹¹. Итальянский «Морализованный bestiарий» начала XIV в. редуцирует перечень до одного лишь «охотника (*saciatore*)»¹², а Чекко д'Асколи в bestiарном разделе своей энциклопедической поэмы «L'Acerba» (начало XIV в.) утверждает едва ли не полемически по отношению к традиции «львиных страхов», что лев не боится ничего (...*sanz'alcun temere, e mai paura suo sogro non confonde*) и в этом смысле служит образцом государя, чья «царственная душа» должна быть «лишена страха» (*nudo di paura animo regal*)¹³.

Вариации в толковании свойств. В наиболее распространенном случае свойству животного приписывается смысл, позитивный или негативный, – в соответствии с двумя возможными направлениями толкования, которые на языке экзегетов именовались толкованиями «к добру» и «ко злу» – «*in bono*» и «*in malo*». «Обладает лев и силой (*virtus*), и свирепостью (*saevitia*). Сила его обозначает Христа, свирепость – дьявола»¹⁴; сила, как видим, толкуется «*in bono*», а свирепость – «*in malo*». За многими свойствами животных толкование было закреплено традицией: мы едва ли найдем bestiарий, где повадка пеликана убивать своих детенышей, а потом воскрешать их разбрызгиванием своей крови не толковалась бы христологически, «*in bono*». Но в некоторых случаях на фоне доминирующей традиции возникает отклоняющееся от нее, девиантное толкование: свойство, которое чаще толкуется «*in bono*», получает негативный смысл, и наоборот. Так, свойство змеи затыкать себе уши, чтобы не слышать голос заклинателя¹⁵ (см. илл. 1), упоминаемое в Псалтири (аспид «затыкает уши свои и не слышит голоса заклинаний», Пс. 57:5–6; латинский «Физио-

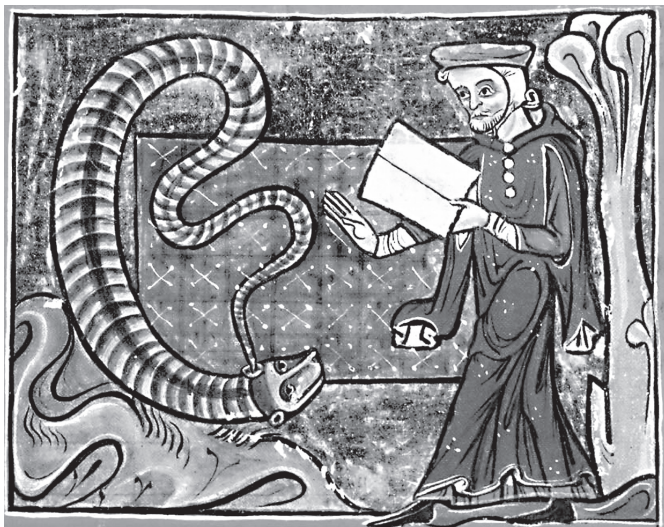
¹¹ Bestiary being an English version of the Bodleian Library / Ed., introd., transl. by R. Barber. Oxford M.S. Bodley 764. Woodbridge: The Boydell Press, 1999. P. 23, 26. При цитировании bestiария MS Bodley 764 здесь и далее английский перевод Р. Барбера был сверен с латинским текстом манускрипта, размещенного на сайте библиотеки Бодли: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/inquire/p/e83e4543-d2e4-4866-b669-4a8633438739> (дата обращения 15 сентября 2019).

¹² Bestiario moralizzato // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 493.

¹³ Cecco d'Ascoli. L'Acerba (Libro terzo, capitoli II–XLVII) // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 605.

¹⁴ Sanctus Gregorius Magnus Moralia. Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 75. Paris: J.-P. Migne, 1849. P. 701.

¹⁵ Заклинания могут повредить змее – «холодный змей в полях от заклинания разрывается (*frigidus in pratis cantando rumpitur anguis*)» (Вергилий, «Буколики». VIII, 71).

Илл. 1. Змея и заклинатель. MS Bodley 764
(Библиотека Бодли, Оксфорд). Fol. 96r.

лог» версии BIs, а вслед за ним и другие бестиарии, поясняют, что змея одно ухо затыкает хвостом, а другое прижимает к земле), уже Августин трактует «in malo», сравнивая со змеей иудеев, не желавших, согласно «Деяниям апостолов», слышать увещания св. Стефана¹⁶. Бестиарий идет по этому пути, придавая свойству расширенное негативное толкование: змее (aspis), утверждает латинский «Физиолог» версии BIs, подобны все «богатые люди этого мира (istius mundi homines divites), которые одно свое ухо прижимают в земные желания (deprimunt in terrenis desideriis), другое же затыкают, добавляя грехи к своим прежним грехам», вследствие чего они услышат Господа лишь на Страшном суде, когда им будет сказано: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный» (Мф. 25, 41)¹⁷. Это толкование повторяют некоторые иные бестиарии, в частности, MS Bodley 764¹⁸ [Bestiary 1999, p. 188 в примечание]. Отклоня-

¹⁶ *Augustinus Sermo CCCXVI. In solemnitate Stephani martyris, III // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 38. Paris: J.-P. Migne, 1841. Col. 1432–1433.*

¹⁷ *Il Fisiologo latino: versio Bis // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 64.*

¹⁸ *Bestiary being an English version of the Bodleian Library / Ed., introd., transl. by R. Barber. Oxford M.S. Bodley 764. Woodbridge: The Boydell Press, 1999. P. 188.*

ющеся от традиции девиантное толкование «in bono» мы находим в *exempla*. Доминиканский монах Жан Гоби в сборнике *exempla* «Небесная лестница» (1327–1330), рассуждая о том, что «слух, не приведенный в порядок (*auditus inordinatus*), вредит», в качестве отрицательного примера приводит некоего «демониака», который говорит о себе: «Я подобен свинье (*porcus*), покоящейся в грязи порока и держащей уши открытыми (*tenens aures apertas*), так что мухи (*musce*) могут проникнуть до самого мозга. Ибо так я открыт через свои уши (*per aures sic apertus sum*) – подобно тому человеку, чье сердце и мозг уже захвачены мухами всех пороков». За этим негативным примером, где опасную открытость слуха символизирует свинья, следует история о благодетельной закрытости ушей, которую олицетворяет змея: «Некий мудрый человек, плавая на корабле, закрыл себе уши, дабы не слышать голоса сирен; когда его спросили, зачем он это делает, он ответил, что он не глупее змеи, которая закрывает одно ухо хвостом, а другое – землей, чтобы не слышать голоса заклинателя и не быть им обманутой»¹⁹.

Пение лебедя чаще, видимо, толкуется позитивно, «in bono». Его прекрасная, сладостная предсмертная песня уподобляется исповеди в грехах и предсмертной молитве «хороших людей (*buoni homini*)»²⁰; Моисеевой песне, столь же «сладостной» – в “*Distinctiones*” Никола де Бьяра (XIII в.) [Morenzoni 1999, p. 176]; предсмертным словам Иисуса – у Конрада Вюрцбургского, в обращении к Деве Марии: «Говорят, что лебедь поет, когда он должен умереть; так же поступил и твой сын...»²¹. Однако трактат «О животных и других вещах» (а также бестиарий MS Bodley 764, в этом месте текстуально очень близкий к нему) дает этому свойству толкование «in malo»: «Когда лебедь умирает, то, как говорят, поет весьма сладостно (*valde dulciter*). Так и гордец (*superbus*), когда уходит из этой жизни, всё еще наслаждается сладостью земного мира (*dulcedine praesenti saeculi*) и, умирая, вспоминает о том, что он сделал плохого»²².

Вторая природа лебедя – контраст белого оперения и черной плоти – похоже, получала только негативное толкование: «Лебедь имеет белое перо, но черную плоть. Морально (*moraliter*) лебедь, бело-

¹⁹ *Gobi J. Scala coeli. Lovanii: Johannes de Westfalia, 1485* (без пагинации, раздел “*De auditu*”).

²⁰ *Libro della natura degli animali // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 438.*

²¹ *Konrad von Würzburg. Goldene Schmiede / Ed. by Wilhelm Grimm. Berlin: Karl J. Klemann, 1840. S. 30.*

²² *De bestiis et aliis rebus // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 177. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 51.*

снежный своими перьями, обозначает действие, присущее притворству: черная плоть прикрыта [белыми перьями], потому что и плотский грех завуалирован притворством (*peccatum carnis simulatione velatur*). <...> Когда же лебедь лишается своего белого оперения, он, нанизанный на вертел, поджаривается на огне. Так и гордый богач (*dives superbus*), когда, умирая, лишается земной славы (*mundana gloria*), нисходя к адскому пламени, подвергнется истязаниям...»²³.

Некоторые свойства животного в одних бестиариях могут лишь констатироваться без всякого толкования, но в других бестиариях наделяться смыслами. Так, латинский «Физиолог» версии BIs (а вслед за ним и некоторые другие бестиарии, например, MS Bodley 764) утверждает о львах: «Мужество их в груди, сила в голове (*virtus eorum in pectore, firmitas in capite*)»²⁴, не давая этому свойству никакого толкования. Филипп Танский (в бестиарии, созданном между 1121 и 1135 гг.), заимствуя образ «мужественной груди» (лев имеет грудь «крепкую, отважную, воинственную – *quarré* <...>, *ardiz e combatant*»), противопоставляет мощную грудь льва его задней части, «тонкой и худой (*greille*)». Возникающая таким образом оппозиция далее наделяется смыслом: лев обозначает (*signefie*) «сына святой Марии», т. е. Иисуса Христа; причем «крепкая грудь показывает силу Божественности; задняя часть, весьма тщедушная (*de mult gredle manere*), показывает человеческую природу...»²⁵. Львиное тело, совмещающее силу и слабость, становится символом двойной природы Богочеловека.

Вариации в акте повествования. Если первый тип вариаций относится к уровню мотивной структуры повествования, воссоздающего то или иное событие, то второй тип, вариации в выборе толкований, казалось бы, можно всецело отнести к уровню авторской точки зрения на событие. Такое предположение поддерживается и тем фактом, что толкование нередко сопровождается прямыми авторскими обращениями к читателю. Так, автор «Книги о природе животных» обсуждение достоинств пчелы, образцовой во всех отношениях, сопровождает следующим пассажем в проповеднической манере: вслед за пчелой «и мы должны презреть гордыню, и тщеславие, и скупость, и ненависть, и гнев, дурную волю и все грехи и пороки»²⁶ и т. п. Однако нельзя забывать, что

²³ De bestiis et aliis rebus...

²⁴ Il Fisiologo latino: versio Bis // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 14.

²⁵ Philippe de Tāun. Bestiaire // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 134.

²⁶ Libro della natura degli animali // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 434.

для средневекового автора значения свойств животных не что иное, как Божественные высказывания на «языке вещей», т. е. не просто объективная, но высшая реальность; выбирая (и порой даже, по сути дела, изобретая) эти значения, автор вовсе не думал, что излагает собственную точку зрения на свойство животного – скорее он открывал в этом свойстве точку зрения самого Бога.

Вероятно, собственную повествовательную волю автор мог усматривать скорее в выборе деталей, в степени подробности, с какой он излагал бестиарные события. Чтобы уловить эту волю, нам нужно выделить простую схему события, что сразу позволит увидеть вариативную детализацию, в которую авторы эту схему облачают. Приведем пример вариаций в уточняющей детали. Змея почувствовала приближение старости и, желая обновить себя, постится, а затем лезет через узкую щель в скале, чтобы стащить с себя старую кожу; так и мы постом совлекаем с себя грехи; скала – Христос, щель – узкие врата к спасению. Но как именно постится змея? «Книга о природе животных» утверждает, что змея «постится много (*digiunando molto*)»²⁷; бестиарий MS Bodley 764 сообщает, что она постится «много дней»²⁸. Французский бестиарий Жервеза (XIII в.) вносит точечное, но существенное уточнение: змея постится «сорок дней»²⁹; очевидно, что эта деталь создает аналогию между историей змеи и сорокадневным пребыванием Христа в пустыне.

Свои вариации получает и известная история о ловле единорога посредством девственницы. Схема события в данном случае состоит в том, что единорог, встретив девственницу, засыпает у нее на лоне или на груди; этим и пользуются охотники. Детали события по-разному выглядят в различных бестиариях: единорог обнимает (*complectitur*) деву и засыпает на ее лоне³⁰; он ложится к ней на грудь (*devant*), «дева обнимает его и держит (*la pucele l'enbrace et tient*)»³¹; когда девственница, приведенная охотниками в место обитания единорога, видит его, она «обнажает свою

²⁷ Ibid. P. 465.

²⁸ Bestiary being an English version of the Bodleian Library / Ed., introd., transl. by R. Barber. Oxford M.S. Bodley 764. Woodbridge: The Boydell Press, 1999. P. 196.

²⁹ Gervaise. Bestiaire // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 318.

³⁰ Il Fisiologo latino: versio Bis // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 40.

³¹ Gervaise. Bestiaire // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 304.

Илл. 2. MS Bodley 764
(Библиотека Бодли, Оксфорд). Fol. 10v.

грудь³², при виде которой он, оставив свою дикость, кладет свою голову на ее лоно (*aperit sinum suum, quo viso, omni ferocitate deposita, caput suum in gremium ejus deponit*)³³; грудь девы обнажена (*hors de sein sa mamele*) – единорог целует обнаженную грудь девы (*baiset sa mamele*) и засыпает³⁴. Вариативность в выборе деталей отчасти отражена и на визуальном уровне, в иллюстрациях бестиария: дева чаще предстает одетой (илл. 2), но миниатюра латинского бестиария XIII в. из Британской библиотеки изображает ее не просто с открытой грудью, но совершенно обнаженной (илл. 3).

³² Мотив обнаженной груди может восходить к арабской версии «Физиолога», где дева дает единорогу груди, и он начинает их сосать [McCulloch 1962, p. 181].

³³ *De bestiis et aliis rebus // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 177. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 59.*

³⁴ *Philippe de Tāun. Bestiaire // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 134.*

Илл. 3. MS Royal 12 F XIII
(Британская библиотека, Лондон). Fol. 10v.

К уровню повествовательной детализации можно отнести и объяснения причины события. Вопросом, как, собственно, единорог находит девственницу, кажется, впервые задается Филипп Танский. Оказывается, единорог находит девственницу по запаху (*par odurement monosceros la sent*)³⁵; «Книга о природе животных» уточняет: единорога привлекает «запах девственности» – «*ulimento della virginitade*»³⁶.

³⁵ Ibid.

³⁶ Libro della natura degli animali // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 447. Сходным образом у Ришара де Фурниваля в «Бестиарии любви»: единорог находит деву по «нежному запаху девственности (*flair de la virginité*)», см. подробнее: *Richard de Fournival. Bestiaire d'Amours* // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 388. Деталь, возможно, восходит к краткому упоминанию единорога в трактате «О Троице и ее деяниях» Руперта из Дойтца, где сказано недвусмысленно: единорог «влеком запахом девственной матки (*virginei tractus est odor uteri*)» (см.: *Rupertus Tuitiensis. De Trinitate et operibus ejus* // *Patrologiae cursus completus. Series Latina*. Vol. 167. Paris: J.P. Migne, 1854. Col. 900). Сексуальная природа интереса единорога к девственнице в бестиариях, как ни странно, выражена слабее, чем в теологическом трактате Руперта.

«Событие» прекрасного лебединого пения может детализироваться сопутствующими обстоятельствами и выяснением его причины. Лебедь не просто поет, но музицирует вместе с человеком. «Говорят, что в северных краях лебеди во множестве слетаются к певцам, аккомпанирующим себе на струнных (*cytharedis*), и поют с ними в согласии», утверждает в бестиарии MS Bodley 764³⁷. «Книга о природе животных» также рисует картину совместного музицирования, но уточняет название инструмента, на котором играет человек, и детализирует свой нарратив сравнением: «Когда человек играет на инструменте, именуемом арфой (*агра*), он (лебедь) поет в согласии с ним (*s'accorda con esso in cantare*)», так что получается «словно свист под тамбурин (*como lo fischio co lo tamboro*)»³⁸.

Почему песня лебедя так прекрасна? Автор «Книги о природе животных» не задается этим вопросом, но бестиарий MS Bodley 764, Абердинский бестиарий, трактат «О животных и других вещах» дают на него ответ, объясняя красоту песни формой лебединой шеи, длинной и изогнутой: «Говорят, он поет сладостно (*suaviter*), потому что у него длинная и изогнутая шея: голосу, чтобы издать разнообразные звучания (*modulationes*), нужно пройти длинным и извилистым путем»³⁹. Прекраснее всего лебедь поет при приближении смерти, но как он узнаёт, что она близко? Объяснение дает Брунетто Латини: «...Многие говорят, что когда он (лебедь) должен умереть, одно из перьев на его голове проникает ему в мозг, и так он узнает о своей смерти и начинает тогда петь так нежно, что чарует слух, и в пении завершает жизнь»⁴⁰. Вариацию этой нарративной детали находим в трактате «О животных и других вещах», где смерть лебедя от собственного пера напоминает самоубийство: «В смертный час он загоняет перо в собственный мозг (*pennam in cerebro suo figit*) и поет наисладчайшим образом»⁴¹.

Степень повествовательной подробности может простирается от простого упоминания события до его развертывания в целую историю. В весьма широком спектре варьируется рассказ об охоте

³⁷ Bestiary being an English version of the Bodleian Library / Ed., introd., transl. by R. Barber. Oxford M.S. Bodley 764. Woodbridge: The Boydell Press, 1999. P. 134.

³⁸ Libro della natura degli animali // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 438.

³⁹ De bestiis et aliis rebus // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 177. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 51.

⁴⁰ Brunetto Latini Tresor: testo a fronte / Ed. by P.G. Beltrami. Torino: Einaudi, 2007. P. 274.

⁴¹ De bestiis et aliis rebus // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 177. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 143.

на слона, который отдыхает, опираясь на дерево, но охотники его подпиливают, слон падает вместе с деревом и уже не может встать. Итак, схема события состоит в том, что слон падает, доверившись дереву, подпиленному охотником. Филипп Танский, рассказывая об этом (видимо, вслед за латинским «Физиологом» версии Y), лишь констатирует, что слон в итоге оказывается пойман; никакого морального смысла событию он не приписывает⁴². «Книга о природе животных», повествуя о том же событии, дает ему вполне предсказуемую символизацию: слон – человек мира сего; дерево – сам обманчивый мир; охотник – дьявол (*dimonio*)⁴³. Гораздо более развернутый рассказ о роковом падении слона мы находим в бестиарии MS Bodley 764 (а также очень сходный – в Абердинском бестиарии): это событие имеет здесь продолжение, превращающее его в целую историю, каждый момент которой наделен религиозным смыслом. Упавший слон громко трубит (*clamat*), и тут же приходит большой слон (*magnus elephant*), который пытается помочь ему подняться, но тщетно. Тогда они трубят оба (*clamant ambo*), «и приходят двенадцать слонов и не могут поднять того, который упал (*veniunt duodecim elephantentes et non possunt eum levare qui cecidit*)». Тогда они трубят все вместе (*clamant omnes*), и приходит маленький слон (*pusillus elephans*), подсовывает свой хобот под упавшего слона и поднимает его. Упавший слон и его самка (*femina*) означают Адама и Еву в их грехопадении, большой слон, первым пришедший на помощь, – ветхозаветный закон (*lex*); двенадцать слонов – пророков; маленький «разумный слон (*intelligibilis elephans*)» – «Господа нашего Иисуса Христа»⁴⁴.

Как видим, развертывание события в историю повлекло за собой и развертывание толкования, которое в данном случае также превратилось в историю, охватывающую, несмотря на свою лаконичность, весь путь человечества – от грехопадения до спасения. Вариации в толковании связаны с вариациями в повествовательном акте (детализация в рассказе о поведении животного может приводить к большей детализации толкования); но является ли толкование частью наррации или экзегетической «надстройкой» над ним? Современный читатель скорее принял бы второй ответ. Толкования, которые всплывают иногда в середине, но чаще –

⁴² *Philippe de Tāun. Bestiaire // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 192.*

⁴³ *Libro della natura degli animali // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 462–463.*

⁴⁴ *Bestiary being an English version of the Bodleian Library / Ed., introd., transl. by R. Barber. Oxford M.S. Bodley 764. Woodbridge: The Boydell Press, 1999. P. 41–42.*

в конце рассказа о животном, кажутся нам инородной и неинтересной вставкой, популярные изложения бестиариев от них избавляются. Едва ли дело обстояло так же для средневекового читателя, который вполне мог воспринимать толкования свойств и/или событий примерно так же, как мы воспринимаем развязку в сюжетном тексте, например, в детективе – с той лишь разницей, что если для нас развязка в детективе отвечает на вопрос «кто преступник», то для средневекового читателя толкование-«развязка» отвечала на вопрос «что это значит». В пользу такого предположения свидетельствует возникающий здесь (правда, нечасто) эффект нарушенного ожидания. Читатель, заинтригованный природой животного, получает на вопрос о смысле этой природы неожиданный ответ: позитивное поведение, которое, казалось бы, предполагает толкование «in bono», получает толкование «in malo»; или наоборот, животное с безусловно негативной природой получает толкование «in bono».

Приведем примеры на оба случая. Основная природа ежа в бестиариях состоит в повадке собирать на иголки упавшие виноградины, которые он потом несет в нору, чтобы накормить своих детенышей. Наделенный столь похвальной природой еж, казалось бы, должен символизировать любовь к детям и приверженность «семейным ценностям» – именно так, позитивно, трактует эту повадку книжная эмблематика XVI в.: эмблема Иоахима Камерария с надписью «Non solum nobis» («Не для одних только нас») приводит поведение ежа как пример заботы о потомстве, которому должен был бы следовать и человек⁴⁵. Иначе – в бестиариях. Еж – дьявол, виноградины – духовные плоды людей, которые дьявол похищает. Латинский «Физиолог»⁴⁶, а за ним и многие другие бестиарии (например, Гильом Нормандский в «Божественном бестиарии»⁴⁷) наставляют христианина беречь свои духовные плоды, чтобы дьявол-еж не похитил их. Обратный пример – не вызывающая симпатии летучая мышь, которая не фигурирует ни в греческом «Физиологе», ни в его латинских версиях, но уже в восточной патристике (а именно, в комментариях к книге пророка Исаии Василия Великого) получает, казалось бы, вполне достойное толкование:

⁴⁵ *Camerarius J. Symbolorum & emblematum ex animalibus quadrupedibus desumtorum centuria altera collecta a Ioachimo Camerario medico. Norimberg: typis Voegelinianis, 1595. № 85.*

⁴⁶ *Il Fisiologo latino: versio Bis // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 34.*

⁴⁷ *Le Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie / publ. par Célestin Hippeau. Caen: Hardel, 1852. P. 227.*

Нетопырь – животное, любящее ночь, кружащее в потемках; не выносит солнечного сияния и предпочитает обитать в пустынных местах. И не таковы ли демоны? Разве они не творцы запустения? Разве не отворачиваются они от истинного света всего мира? Нетопырь – животное летающее, но без перьев, а летит по воздуху посредством мембран, состоящих из плоти. Таковы же и демоны: они бестелесны, но лишены перьев божественной любви; обуреваемые плотскими желаниями, они тем самым как бы облачаются в природу плоти. Нетопырь – животное одновременно и летающее, и четвероногое; однако оно и ногами не вполне твердо ступает, и в полете не слишком сильно. Таковы и демоны. Они и не ангелы, и не люди; ангельское достоинство они потеряли, а человеческая природа им не дарована. Нетопыри имеют зубы, а прочие птицы – нет; демоны же готовы карать, чего не делают ангелы. Нетопыри, в отличие от птиц, яиц не откладывают, а сразу рожают живых детенышей. Таковы и демоны: с великой быстротой творят нечестие⁴⁸.

Однако латинские бестиарии («О животных и других вещах», MS Bodley 764) не продолжают этот вполне естественный ход мысли (зловещий нетопырь подобен дьяволу), а опираются на парадоксальное толкование летучей мыши в «Шестоднев» Амвросия Медиоланского, который характеризует ее как животное неблагородное и низкое (*ignobile, vile*), но в завершение дает неожиданное толкование поведению нетопырей висеть «наподобие грозди», примыкая друг к другу; в этой поведке, по его мнению, проявляется «действие любви (*charitas*), которую трудно найти у людей этого мира»⁴⁹. Неприятная летучая мышь учит нас взаимной любви: такая концовка не могла не удивлять.

Не менее неожиданной представляется редкая трактовка «in boпо» поведки крокодила пожирать людей и плакать. Обычно людоедство крокодила приводит авторов к вполне закономерной мысли, что он – фигура дьявола, так, например, у Филиппа Танского⁵⁰. Сложнее обстоит дело с крокодиловыми слезами. Привычное нам понимание этих слез как символа лицемерия Средневековью в целом не свойственно; оно появляется во вполне ясном виде, скорее всего, лишь на рубеже XIII–XIV вв. Так, у Чекко д'Асколи

⁴⁸ *Basilius Magnus*. *Commentarius in Isaiam Prophetam* // *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Vol. 30. Paris: Garnier fraters, 1888. Col. 277–278.

⁴⁹ *Ambrosius Mediolanensis*. *Hexaameron* // *Patrologiae cursus completus. Series Latina*. Vol. 14. Paris: J.-P. Migne, 1845. Col. 240.

⁵⁰ *Philippe de Tāun*. *Bestiaire* // *Bestiari medievali* / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 146–148.

крокодил, «поймав человека, сразу убивает его; а убив его, этот хищник плачет жалостливым голосом (*con pietosa voce*)... Оплакав его, пожирает и съедает (*divora et manduca*) человеческую плоть... Так поступает человек лицемерный и лживый (*ipocrito et ocolto*), который в сердце радуется всякому злу, вредящему другим людям, а своим лицом показывает сострадание и сразу плачет по любому случаю...»⁵¹. Увидеть в крокодиловых слезах проявление лицемерия более ранним авторам мешала одна особенность в его поведении, которая не упоминается у Чекко д'Асколи, но фигурирует во многих бестиариях: крокодил, сожрав человека, не просто плачет, но плачет всю оставшуюся жизнь. Латинский «Физиолог» сообщает, что крокодил, найдя человека, «пожирает [его] и постоянно его оплакивает (*comedit, et semper plorat illum*)»⁵². Гильом Норманский уточняет: крокодил, съев человека, «потом оплакивает его столько дней, сколько живет (*Mes toz jors mes apres le plore, / Tant com il en vie demore*)»⁵³. Сходным образом – у Ришара де Фурниваля: «Он оплакивает его все дни своей жизни (*le pleure tos les jours de se vie*)»⁵⁴. Невозможно себе представить, чтобы лицемер, совершивший злодеяние, плакал по этому поводу всю оставшуюся жизнь... Возможно, именно поэтому слезы крокодила в средневековом бестиарии – искренние: это слезы нечистой совести, которые, однако, не мешают и дальше грешить. Так, в трактате «О животных и других вещах» крокодил – фигура дурных людей (не только лицемеров), которые, «сознавая свою порочность, сердцем плачут (*consciū suae malitiae corde plangunt*), хотя в силу потребности и привычки возвращаются к содеянному»⁵⁵. Слезы здесь, как видим, истолкованы «*in malo*». Бестиарии не приписывают им позитивный смысл, что вполне объяснимо репутацией крокодила – животного жестокого и отвратительного: Филипп Танский наделяет его эпитетами «низменный» (*vil*), «свирепый» (*fer*)⁵⁶.

⁵¹ *Cecco d'Ascoli. L'Acerba (Libro terzo, capitoli II–XLVII) // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 602.*

⁵² *Il Fisiologo latino: versio Bis // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 46.*

⁵³ *Célestin Hippeau. Le Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie. Caen: Hardel, 1852. P. 245.*

⁵⁴ *Richart de Fornival. Bestiaire d'Amours // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 400.*

⁵⁵ *De bestiis et aliis rebus // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 177. Paris: J.-P. Migne, 1854. Col. 61.*

⁵⁶ *Philippe de Tāun. Bestiaire // Bestiari medievali / Ed. by L. Morini. Torino: Einaudi, 1996. P. 148.*

Исключение из общей тенденции мы находим в «Книге о природе животных»: и пожирание человека крокодилом, и его плач истолкованы здесь «in bono». «Этот крокодил, в том [своем свойстве], что он пожирает человека и потом оплакивает его все время своей жизни, может быть уподоблен (*sì se poe similiare*) некоторым религиозным людям (*spiritali persone*) этого мира, которые внутри своего сердца заключили истинного Бога и человека (*anno dentro da loro cuore incorporato lo verace Dio e homo*), что был распят, дабы искупить человеческий род». Когда такой «религиозный человек», заключивший в своем сердце Христа (как крокодил «заключает» в себе съеденного им человека!), вспоминает о страданиях, которые претерпел Христос, «к нему, внутрь его сердца, приходит великое сострадание и великая скорбь». Крокодиловы слезы здесь, как видим, – фигура слез, которые истинный христианин проливает из сострадания мукам Христа, а поедание человека трактовано как фигура, передающая идею заключения в своем сердце истинного Бога. Этот девиантный по отношению к традиции ход мысли⁵⁷ мог так же резко нарушать ожидания читателя, как развязка в хорошем детективе.

Итак, мотивы, образующие бестиарные истории о животном, существуют в парадигме вариантов, которая включает и варианты толкований. Бестиарная экзегетика – не факультативная добавка к рассказу о поведении животного, которую можно элиминировать: физиология животного и ее толкование объединены единым актом повествования. Роль толкования в этом акте состоит в том, чтобы ответить на вопрос, провоцируемый физиологической частью («что это значит?»), и потому толкование можно уподобить своего рода микроразвязке. Момент перехода рассказа о поведении животного в толкование – самый напряженный в повествовательной структуре бестиария: здесь могут возникать эффекты, подобные вышеописанному эффекту неожиданности, которые, вероятно, легко воспринимались средневековым читателем, но совсем неочевидны для читателя современного. Впрочем, они остаются скрытыми и от исследователей: рецептивный аспект бестиарного нарратива еще предстоит изучать.

⁵⁷ Сходную, но более краткую трактовку «in bono» находим в так называемом Вальденском бестиарии (середина XIII в.): съев человека, крокодил остается «печальным (*trist*) все время своей жизни»; «это свойство крокодила показывает нам, что мы должны раскаиваться и печалиться о грехах, которые мы совершили» (*Meyer A. Der walden-sische Physiologus // Romanische Forschungen. 1890. Vol. 5. P. 416*).

Литература

- James 1928 – *James M.R.* The bestiary: being a reproduction in full of the manuscript Ii. 4. 26 in the University Library, Cambridge, with supplementary plates from other manuscripts of English origin, and a preliminary study of the Latin bestiary as current in England. Oxford. Oxford University Press, 1928.
- McCulloch 1960 – *McCulloch F.* Mediaeval Latin and French bestiaries. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1960. 210 p.
- Morenzoni 1999 – *Morenzoni F.* Les animaux exemplaires dans les recueils de “Distinctiones” alphabétiques du XIII siècle // L’animal exemplaire au Moyen Âge / Ed. by J. Berlioz, M.A. Polo de Beaulieu. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 1999.
- Pastoureau 2011 – *Pastoureau M.* Bestiaires du Moyen âge. Paris: Seuil, 2011. 236 p.

References

- James, M.R. (1928), *The bestiary: being a reproduction in full of the manuscript Ii. 4. 26 in the University Library, Cambridge, with supplementary plates from other manuscripts of English origin, and a preliminary study of the Latin bestiary as current in England*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- McCulloch, F. (1960), *Mediaeval Latin and French bestiaries*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, USA.
- Morenzoni, F. (1999), “Les animaux exemplaires dans les recueils de ‘Distinctiones’ alphabétiques du XIII siècle”, in Berlioz, J. and Polo de Beaulieu, M.A., eds., *L’animal exemplaire au Moyen Âge*, Presses universitaires de Rennes, Rennes, France.
- Pastoureau, M. (2011), *Bestiaires du Moyen âge*, Seuil, Paris, France.

Информация об авторе

Александр Е. Махов, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а; *makhov636@yandex.ru*

Information about the author

Alexandr E. Makhov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993;

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Str., Moscow, Russia, 121069; *makhov636@yandex.ru*